

Партіи и наука.

Едва ли какая другая задача столь же настоятельно поставлена передъ русскимъ обществомъ, какъ задача политическаго и общественнаго самоопредѣленія, осуществляющаяся въ различныхъ союзахъ и партіяхъ. По отношенію къ совершающемуся на нашихъ глазахъ нельзя уже болѣе довольствоваться неопредѣленными настроеніями: приходится избирать тотъ или другой путь, согласный съ нашими цѣлями, не отталкивающей насъ средствами. И совершенно понятно, какъ при жизненной важности политическаго обновленія Россіи всѣ интересы и силы поглощаются этой задачей; понятно также, что многія отрасли культурной жизни остаются, такъ сказать, въ тѣни. Можетъ быть здѣсь даже сказывается здоровый инстинктъ національнаго самосохраненія—чувство, что безъ политической свободы не могутъ расти ни матерьяльныя, ни духовныя силы Россіи. Но на этомъ же пути лежатъ и великія опасности—легко смѣшиваются цѣли и средства, легко забываются тѣ вѣчныя цѣнности, забыть которыя не можетъ безнаказанно ни одинъ народъ, ни одна этика.

Въ самомъ дѣлѣ, моментъ требуетъ прежде всего организациі и дисциплины, каждый долженъ выбирать партійную программу, каждый изъ насъ долженъ отдавать свои умственныя и нравственныя силы партійной тактикѣ подъ страхомъ того безчестія, которымъ угрожалъ Солонъ своимъ индифферентнымъ согражданамъ, не хотѣвшимъ примкнуть ни къ той, ни къ другой изъ борющихся сторонъ. Чувствуется, что опасно ослаблять эту дисциплину, и рождается стремленіе возможно меньше оставить на долю личнаго, сужденія. Во всякомъ разномысліи привыкають видѣть расколъ, во всякомъ колебаніи—чуть ли не бѣгство съ поля битвы. Послѣдствія ясны. Кажется недостаточнымъ формулировать въ обязательной программѣ

общественно - политическія задачи момента — начинают требовать определеннаго міросозерцанія, начинают требовать, чтобы вещи оцѣнивались не по существу, а по тому, какъ онѣ преломляются въ интересахъ партій—нерѣдко съ прямымъ ущербомъ для логики, если не для этики.

Психологически въ Россіи былъ на лицо цѣлый рядъ условій, которыя взрастили эти преувеличенія партійнаго духа. Долгое время у насъ не существовало практическихъ партій, созданныхъ для определеннаго цѣлей; вмѣсто нихъ господствовали извѣстныя направленія мысли, цѣнившіяся не по ихъ объективному достоинству, а по открывающимся изъ нихъ перспективамъ. Партіи были не политическія, а литературныя въ широкомъ смыслѣ слова, и ихъ сочлены могли отрицательно относиться ко всякому компромиссу, ибо дѣйствительно въ компромиссѣ нѣтъ никакой надобности, пока вся дѣятельность ограничивается устнымъ и печатнымъ словомъ, чисто теоретической защитой партійныхъ учевій, охраняющей ихъ отъ всякаго зараженія чуждыми элементами. Такъ создались два условія, быть можетъ, въ равной степени неблагоприятныя для нашего духовнаго развитія: наши партіи получили привычку мыслить и брать вещи слишкомъ теоретически; наша теоретическая мысль слишкомъ легко принимала партійный характеръ. Первое постепенно изгладится въ суровой школѣ политической борьбы, которая самаго непримиримаго догматика научитъ законному и неизбежному „оппортионизму“; второе, быть можетъ, мы мало замѣчаемъ, но если достаточно задумаемся, то увидимъ, какая здѣсь заключается угроза свободному развитію націи.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни велика, какъ ни священна задача созданія политической свободы въ Россіи, не будемъ забывать, что дѣло идетъ все же лишь о средствахъ: политическое освобожденіе безъ культурнаго возрожденія есть пустая форма. Сколь ни драгоценно, напримѣръ, всеобщее избирательное право, какъ орудіе политическаго и соціального прогресса, это всетаки лишь орудіе, изъ котораго не слѣдуетъ создавать ни фетиша, ни философскаго ключа, способнаго открыть врата въ царство полнаго человѣче-

скаго счастья. Политика никогда не можетъ замѣнить культуры, а тѣмъ болѣе превратить ее въ свою служанку; и чѣмъ напряженнѣе политическая борьба, тѣмъ необходимѣе, дабы она не вырождалась въ столкновеніе мелкихъ интересовъ и личныхъ страстей, всѣмъ борящимся признавать первенство культурныхъ цѣнностей, существованіе незыблемыхъ нравственныхъ началъ, которыя никогда и ничему не должны приноситься въ жертву, — существованіе объективной научной истины.

Послѣднее, быть можетъ, въ Россіи исключительно трудно. Старый порядокъ относился къ наукѣ съ недовѣрчивой недоброжелательностью, какъ бы инстинктивно сознавая, что не отъ нея оупъ получить санкцію своимъ притязаніямъ. Глубоко укоренилась традиція мѣрять все проявленія научной мысли ея согласіемъ съ существующимъ строемъ; этотъ полицейскій критерій былъ съ цинической откровенностью положенъ въ основу устава, регулирующаго университетское преподаваніе; классическая система держалась въ средней школѣ, пока вѣрили въ ея чудодѣйственную способность предохранять отъ неблагонадежности; разочаровавшись въ этомъ, ее разрушили съ быстротой непривычной въ русской государственной практикѣ. Въ этомъ направленіи совершился подборъ силъ, которымъ вручалось дѣло національнаго образованія; рядомъ съ учебнымъ вѣдомствомъ шло цензурное. Дѣленія истинъ на благонадежныя и неблагонадежныя, которое вѣкогда Гоббсъ рекомендовалъ всякому правительству, желающему сохранить свою власть, держалось неизмѣнно прочно, хотя границы дозволеннаго и вредоноснаго значительно передвигались; въ общемъ, однако, права научной мысли не простирались на области официальной религіи, официальной государственности, официальной народности. Изложеніе, напримѣръ, результатовъ ноябрьскихъ ветхозавѣтной критики и научной исторіи израильскаго народа иногда вовсе не допускалось, иногда разрѣшалось, но съ условіемъ предварительной оговорки, что все послѣдующее не соответствуетъ истинѣ. Многие, безъ сомнѣнія, помнятъ переводъ книги Льюиса и Милля о Контѣ, разрѣшенный лишь съ предисловіемъ, сущность котораго сводилась къ признанію Конта бе-

зумнымъ, а его системы—плодомъ разстроеннаго ума. Это тотъ же методъ, который нѣкогда былъ примененъ къ Чаадаеву. Теоретическія основы марксизма иногда терпѣлись, иногда безпощадно извлекались изъ обращенія. Понятно, что послѣ устава 1884 года на юридическихъ факультетахъ не допускалось чтеніе курсовъ по западно-европейскому государственному праву; но подозрительность министерства шла гораздо дальше—оно, напримѣръ, не разрѣшало въ одномъ университетѣ читать курсъ по исторіи Поволжья. И замѣчательное дѣло—самымъ разнообразнымъ по подготовкѣ и настроенію людямъ, какъ только они попадали въ бюрократическую организацію, быстро прививалось такое полицейское отношеніе къ мысли.

Великое проклятіе всякой нетерпимости, всякаго духа насилія, состоитъ въ томъ, что они живутъ еще долго, когда ихъ носители сошли съ исторической сцены. Съ тяжелымъ чувствомъ видятъ наблюдатель, какъ долго свободомыслищая Франція въ борьбѣ съ католицизмомъ употребляла все то же оружіе, которымъ католическая церковь постоянно поражала своихъ враговъ. На нашихъ глазахъ группы русскаго общества, наиболѣе страдавшія отъ „цензуры сверху“, съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, защищали „цензуру снизу“; люди, строго осуждавшіе правительственную политику изгнанія неблагонадежныхъ профессоровъ, оправдывали бойкотъ студентами профессоровъ съ „антипатичными“ убѣжденіями. И, если среди современнаго освободительнаго движенія мы найдемъ проявленія и крайней нетерпимости, и крайняго неуваженія къ человѣческой личности и ея свободѣ—это не должно насъ удивлять. Мы несемъ на себѣ тяжелое наслѣдіе прошлаго—но тѣмъ болѣе обязаны мы сознать болѣзнь во всей ея глубинѣ.

Между тѣмъ, среди организующейся партійной борьбы, среди все болѣе и болѣе острыхъ и непримиримыхъ конфликтовъ—идеѣ науки, какъ культурной цѣнности, грозитъ совершенное затемненіе. Всѣ ея области, такъ или иначе касающіяся человѣка, начинаютъ разсматриваться въ свѣтѣ партійныхъ и случайныхъ критеріевъ. Конечно, и эти явленія не сегодняшняго дня: если классическая школа одними цѣнилась вслѣдствіе своей благонадежности *par excellence*, то въ

глазахъ другихъ, невольно становившихся на точку зрѣнія своихъ противниковъ, это дѣйствительное или мнимое ея свойство и являлось ея тяжкимъ грѣхомъ. Одни боялись позитивизма, подозрѣвая его въ потрясеніи основъ; другіе не довѣряли метафизикѣ, опасаясь, что она утвердитъ эти основы. Такими взаимными недоразумѣніями полна вся исторія русской общественной мысли, но теперь ихъ накопилось такъ много, что почти не остается мѣста для идеи объективной истины. Съ точки зрѣнія партійнаго міросозерцанія цѣлыя глубокія теченія умственной жизни заносятся въ Index, какъ недопустимыя и еретическія. Особенно болѣзненно въ этомъ отношеніи поражаетъ настроеніе, которое господствуетъ и, повидимому, культивируется во многихъ русскихъ социаль-демократическихъ группахъ. Злоупотребляя ученіемъ о классовыхъ интересахъ, начинаютъ дѣлать истины обществозванія на „буржуазныхъ“ и „пролетарскія“; мѣсто логическаго доказательства занимаетъ оцѣнка преимущества даннаго положенія для „отживающаго строя“ или для будущаго. Какъ будто исчезаетъ высшій трибуналъ общечеловѣческой истины, къ которому можно апеллировать и отъ „буржуазныхъ“, и отъ „пролетарскихъ“ ученыхъ. Поэтому разсматривается даже не столько содержаніе мыслей, сколько мотивы и условія ихъ возникновенія. Вспомнимъ, какъ социаль-демократическая критика отнеслась къ психологической теоріи цѣнности, исповѣдовать которую, въ ея глазахъ, могутъ лишь апологеты буржуазнаго строя, или къ направленію идеалистической философіи. Такое отношеніе было тѣмъ непоследовательнѣе и страннѣе, что социаль-демократія постоянно подчеркивала свой научный характеръ, и потому эти примѣры особенно рѣзки—но, конечно, мы съ избыткомъ найдемъ то же самое и среди другихъ партій. И здѣсь слишкомъ велика роль „тактическихъ соображеній“, заставляющихъ производить отборъ въ освѣщеніи и пониманіи матерьяла, и здѣсь слишкомъ легко разучиваются разсуждать по существу, подъ влияніемъ постояннаго страха, что высказанными мыслями воспользуются политическіе враги. Обычной школой такого „мысленія не по существу“ неизбѣжно является пресса,—вопросъ только въ степени, въ чувствѣ мѣры и такта. Насколько присущи современной русской прессѣ эти свойства?

Безразсудно, конечно, представлять себѣ въ современной Россіи какую-то небывалую историческую конъюнктуру, прецедентовъ которой не представляетъ исторія западно-европейскихъ обществъ; и тамъ въ эпохѣ переломовъ общественное вниманіе поглощалось непосредственными задачами борьбы. Но тамъ накоплены культурныя богатства, вѣковая традиція просвѣщенія; имъ не опасенъ никакой переворотъ, даже временно приостановившій національное образованіе. Какой блестящій расцвѣтъ научной мысли дала освобожденная и объединенная Италия! Просвѣтительныя традиціи въ Россіи не могутъ быть сравниваемы съ западно-европейскими; но все же не слѣдуетъ и уменьшать ихъ цѣнности. Русская наука выдвинула рядъ именъ въ области естествознанія, математики, медицины; меньше относительно внесли мы въ область наукъ общественныхъ и гуманитарныхъ, но все же и здѣсь сдѣлано многое вплоть въ уровень съ лучшими образцами западной науки. Во всякомъ случаѣ въ сравненіи съ архаическими формами нашей государственной жизни наше культурное развитіе ушло достаточно далеко, и едва ли въ самыя тяжелыя минуты нашей исторіи насъ покидала вѣра въ духовныя силы и возможности націи. И въ настоящую минуту насъ должна пугать не столько полная, быть можетъ неизбежная, дезорганизация школы, не столько прекращеніе научной работы, сколько то, что меркнетъ самая идея научнаго просвѣщенія, что сознательно провозглашается или безсознательно принимается гегемонія политики надъ культурой. Созданіе свободной Россіи потребуетъ великаго, небывалаго напряженія всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ страны—эта задача по существу созидательная и культурная, и ее не можетъ выполнить никакой подъемъ партійныхъ страстей. Какимъ несчастіемъ было бы для Россіи, если бы въ эту минуту погасъ священный огонь Весты—ея научная мысль!

Ужели свобода слова, свобода преподаванія нужны лишь для опредѣленныхъ политическихъ цѣлей, а не суть абсолютныя блага сами по себѣ? Насколько эти проявленія вѣчнаго разума суть болѣе основное достояніе человѣчества, чѣмъ измѣнчивыя государственно-общественныя формы, въ которыхъ оно жило и будетъ жить?

Защита свободы слова и мысли не изъ любви къ слову и мысли, а изъ желанія получить цѣлесообразное политическое орудіе, не можетъ привести къ истинной свободѣ: никогда ищущіе свободы лишь для себя, для своей партіи, для своей секты, не могутъ ее создать. Новѣйшій католицизмъ тоже написалъ на своемъ знамени свободу, когда передъ нимъ стала государственная власть, отказавшая ему въ покровительствѣ и наложившая на него свою тяжелую руку. На упреки въ непослѣдовательности, одинъ изъ выдающихся католическихъ публицистовъ Вельо отвѣчалъ: „Мы просимъ у васъ свободы, такъ какъ она въ вашихъ принципахъ; мы отказываемъ въ ней вамъ, такъ какъ она не въ нашихъ принципахъ“. Какъ отвѣтять на упрекъ въ подобной непослѣдовательности тѣ, кто утверждаютъ, что свобода „въ ихъ принципахъ“?

Свобода слова и мысли выше всѣхъ партій и при всей напряженности партійной борьбы должна лежать внѣ этой борьбы. Наука есть вѣчная цѣнность, такъ же, какъ и творящій ее разумъ; она должна быть абсолютно свободна и отъ полицейскаго гнета государства, и отъ сектантской нетерпимости, и отъ тактическихъ расчетовъ партій. Какъ для вѣрующаго сознанія принужденіе въ дѣлахъ религіи является замаскированнымъ отрицаніемъ религіозной истины, сомнѣніемъ въ ее жизнеспособности безъ внѣшняго покровительства, такъ и для всѣхъ политическихъ дѣятелей ограниченіе научной свободы въ интересахъ ихъ партіи должно „изобличать лишь внутреннюю слабость ихъ программы. Ужели въ самомъ дѣлѣ идеалы русскаго освободительнаго движенія не выдерживаютъ критеріевъ свободной, безстрастной науки? Думать такъ значитъ имѣть слишкомъ скудное и ограниченное представленіе объ этомъ движеніи.

Цѣли освобожденія не требуютъ ни фанатизма логическихъ формъ, ни идолопоклонства передъ параграфами программы. Вѣрность программѣ основывается на достаточно глубокихъ мотивахъ; она не исключаетъ здороваго скептицизма и широкой терпимости. Не угашайте же духа!

С. Котляревскій.